

Умерло ГОА,
и убил его кокаин.
Будь осторожнее ВАСЯ,
сейчас тебя не трогают.
Но, когда прискроют
все пати, и конкуренция
меньше драг-дилерами
станет жестокой,
сдадут тебя свои
не, или
заставят других
сдавать...

Упала... ПИЛЛ
ПА, УПАЛА
НА ПОЛ

Обычному человеку
нельзя сознание расширять.
Что работать
то будет?

LEGALIZE!

Mari See

ГЛАВА 29. Часть первая. В тюрьме.

– Fucking cunt, пару месяцев ещё здесь сидеть, полгода уже прошло. Ты представляешь, Вася, полгода моей жизни! А эта сука, – судья, ещё два месяца сегодня мне добавила. Когда же придёт эта чёртова экспертиза?

– А ты уверен, что экспертиза новокаин, а не кокаин покажет? – пытаюсь я шутить над разгорячённым Виктором, только что вернувшимся из суда.

– Ну, если экспертиза покажет кокаин, то отсижу, выйду и перестреляю этих козлов. За беспредел нужно убивать.

– Ага, а не беспредел, – прийти в их огород, и начать им бизнес рушить, причём, портя им репутацию своей дешёвой подделкой под кокаин? – смеюсь я, отмеряя шаги на нашей прогулочной площадке.

– Ты мне лучше скажи, что нового в вашей шестой палате?

– Все в коме. Нажрут снотворных таблеток и спят сутками. А проснутся – бредить начинают. Грек всё время о побеге мечтает, хотя и пятидесяти метров со своим животом не пробежит. Итальянец постоянно ноет, что деньги у него заканчиваются. Шотландец расстроен, что не сможет болеть на кубке Европы за свою футбольную команду «Селтик». У Апака все разговоры о еде. А японец ничего не говорит, из пустых спичечных коробков тюремную мебель склеивает.

– Скажи, Вить, а ты чем после Афгана занимался?

– Чем-чем... Чем после войны у нас в стране молодёжь занимается? Бандитом я был. С бандой рэкетирской бизнесменов на бабки разводили.

– Не скучаешь по тем временам?

– Знаешь, Вась, весело только сначала было. А как начали нашего брата отстреливать, я и сам в бизнесмены пошел. Догнала меня, видимо, моя карма в Индии, никуда от неё не убежишь. Не верю я, что за новокаин аптечный сижу. Сердцем чувствую, что за другое. Числится за мной грешок один. Видимо, его сейчас и отработываю.

– Неужто, Вить, зазря кого-то убил?

– Не, зазря я никого не убивал, а вот лет пять тому назад, посадил я одного человека, на год. За это вину чувствую свою. Денег он мне

должен был. И, сумма-то смешная, – всего-то штука баксов, а я его на год в тюрьму устроил. Видимо, и сидеть мне тут год, как минимум.

– Странный ты, Вить, человек, а то, что у бизнесменов бабки вымогал, – это не грех, по-твоему? За это ты не чувствуешь своей вины?

– Так они не последние отдавали, да и я услуги свои предлагал, от других бандитов защищал, жизнью своей рисковал.

– А мне, Вить, никогда бандитом быть не хотелось. Видимо, по-другому я воспитан. Расскажи, как тебе бандитом было? Чувство безнаказанности, наверное, опьяняло.

– Да ничего хорошего, Вася, в бандитстве не было, а опьяняла меня водка. Бухал не переставая. Понимал душой, что не так что-то, а сделать ничего не мог. И щемило у меня от этого сердце постоянно, когда трезвый был. Так и глушил эту боль алкашкой, пока марихуану курить не начал. А как курить начал, так стал задумываться, и понял, в конце концов, что растрчиваю свою жизнь на всякую ерунду ненужную, на понты. Всю жизнь я старался для кого-то выглядеть тем, кем на самом деле не был.

– Ты не один такой, Вить. Я много бывших бандитов знаю. И все, точно так же, когда-то сначала бухали и беспредельничали, а как психоделику попробовали, побросали свои криминальные дела, прекратили бухать, и живут сейчас нормальной жизнью, втихаря покуривая.

– Вот-вот, а государство запрещает курить ганджу, всё алкашку рекламирует. Даже здесь, в Индии, где марихуана считается частью религиозного обряда, алкогольные корпорации пролоббировали свои законы, уже нигде нельзя чарас курить. А большая бутылка рома всего два доллара стоит. За килограмм гашиша десять лет тюрьмы получить можно. Я, когда алкашку бухал, на животное больше похож был. Если с утра не опохмелюсь, то так мне плохо было, так ломало, что думал сдохнуть можно. А опохмелишься, глаза агрессивней наполняются, из-за пустяка любого готов в горло вцепиться. И, каждый день, как перед атакой, кружку алкашки – и в бой. А когда из бандитов в бизнесмены перешёл, ничего не изменилось. Бухал, чтобы злоба была в каждый доллар зубами впиваться. И, так продолжалось, пока один мой дружок из Самары не дал мне ЛСД попробовать. Никогда не забуду свой первый кислотный трип, я тогда, как заново родился. Вся разбитая мозаика моей жизни собралась тогда в моей голове в красивый рисунок. Бросил я тогда и бизнесом заниматься. Собрал вещи, и уехал в Гоа. Хорошо, что успел до прихода Путина турбазу себе прикупить на берегу Чёрного моря. Точнее,

кусок земли, – всего за шесть тысяч долларов купил, вложил в него ещё пятьдесят. Сам, своими руками, домики построил – и сейчас она мне ежегодно пятнадцать штук баксов приносит. Зачем мне больше? Друзья у меня в Москве до сих пор вкальвают. Меняют пятисотые «мерседесы» на шестисотые, по две дачи уже построили, а всё мало. И жёны ихние, и любовницы, по несколько шуб в шкафу хранят, а всё равно несчастливы. А я – как сознание своё расширил, так понял всё. В бесконечной гонке за деньгами никогда счастлив не будешь, их всегда будет не хватать. А жизнь-то коротка, она быстро проходит. Сколько уже друзей в могиле лежат, так и не догнав Золотого Тельца. А ведь большие деньги легко не даются, в них вгрызаться нужно, оберегать их, показывая всему миру свои мышцы, когти и зубы. Только ведь в душе мы все люди, а не звери. Вот и приходится всю эту несправедливость жизни алкашкой заливать. Я, как осознал всё это, – меня от алкоголя как отрезало.

– А что же ты, Вить, опять за Золотым Тельцом погнался? Кто же тебя заставлял кокаин поддельный продавать?

– Да сам, Вась, не знаю, как опять в это дерьмо вляпался. Понтов снова захотелось. Всё у меня тут в Гоа было. И дом большой на берегу моря, и джип, и бабок на всё хватало. Захотелось мне перед своей бабой крутым стать, чтобы ещё больше любила меня. В драг-дилера решил я поиграть. Думал, буду только русским продавать. Ведь здесь же, в Гоа, все с расширенным сознанием, все, как братья. И представить даже не мог, что здесь, среди своих, гнида может завестись.

ГЛАВА 29. Часть вторая. На воле.

– Наконец-то, мы добрались до дома. Как же я устала, – плюхаясь в пластмассовое кресло, говорит Лена, кладя ноги на чемодан. – Четверо суток в пути, шесть пересадок, пять месяцев в Непале, что же это за жизнь у нас такая цыганская. Когда же это закончится?

– А что плохого в цыганской жизни? Многие только и мечтают о путешествиях. А мы всю Индию с Непалом проехали. Василина, скажи, а тебе нравится путешествовать? – спрашиваю я дочь, успешную выложить своих Барби из маленького розового чемодана.

– Конечно же, папочка. А когда мы поедem в следующий раз, в новое путешествие?

– Вот видишь, нам нравится, – заявляю я, вкатывая в дом последний чемодан.

– Я не против путешествий, только мне комфорт нужен, и чтобы никаких поездов и автобусов. Только самолёты и такси. И, в таких жарких странах, как Индия, такси чтобы с кондиционером были.

– Удивляюсь я, Лен, откуда у тебя столько королевской крови. Родители твои котельщиками на Севере работают. Пять лет назад у тебя не то, чтобы своего угла не было, у тебя денег не было, чтобы зубы отремонтировать. После рождения Василинки ты целый год работала, чтобы долги свои раздать, а сейчас самолёты и такси тебе подавай.

– Знаешь что, дорогой, я в пятнадцать лет приехала одна, с Севера, большой город покорять. Всю жизнь я мечтала иметь своё жильё. И, как только я обзавелась своей квартирой, снова вынуждена скитаться по съёмному жилью, вдобавок, то в Индии, то в Непале. Не об этом я мечтала всю свою жизнь. И вообще, я уже соскучилась по России.

– Любимая, ты просто устала с дороги, – говорю я, садясь рядом на нашем балкончике. – Посмотри, вокруг тебя пальмы, солнце, море. Францис, смотри, как радуется нашему приезду. А что в рашке сейчас? Холод, грязь, слякоть, еда с привкусом пластмассы. Обещаю, что когда появятся деньги, мы будем путешествовать на самолётах и на машинах. Годика через три разберусь со своим розыском, а там, глядишь, и с Дымковым страсти улягутся. Вот тогда и съездим в рашку. А сейчас наслаждайся Индией, тем более, что выбора у нас нет. Впереди нас ожидает новый сезон, новые интересные люди, новые приключения.

– Хорошо, я готова потерпеть несколько лет, только скажи, когда мы перестанем заниматься наркотиками? Мы провезли через границу два килограмма гашиша, а я хочу спать спокойно.

– Дорогая, я постараюсь, чтобы это было в последний раз. В этом сезоне мы арендуем два дома. Я расширю свой ресторан. Потерпи немного, скоро мы будем заниматься только легальным бизнесом. Как появятся деньги, я зарегистрирую здесь компанию. Торговать наркотиками в этом сезоне будет Дэн. Василинку отправим в школу, учиться, будет с детства на индийском, английском и русском языке говорить. Илка будет тебе по хозяйству помогать, а лет через пять продадим в России нашу квартиру, и на эти деньги купим дом на берегу моря. Будем в нём жить счастливо, до самой смерти. А сейчас, бери Василинку, и идите на море купаться. Будут вам и самолёты и машины. Всё у нас получится.

Через несколько недель, отдохнув и накупавшись в море, Лена перестала жаловаться на цыганскую жизнь, а я приступил к своим ежедневным гоанским обязанностям.

Позавтракав, я кручу утренний джойнт и наблюдаю, как рыбацкие собаки лают на бродячую корову, загнав её в образовавшуюся после отлива огромную лужу на пляже, прямо напротив моего ресторана.

– А я к тебе на завтрак иду! – кричит издалека Хануман, бросая в собак камень. – Здорово, Вася, давно тебя не видел. Ты где мунсун провёл?

– Я тоже рад тебя видеть, Хануман. Мы в Непале, в Покаре, пять месяцев отдыхали, я уже месяц как здесь. Вчера ресторан свой достроил, сегодня ты у меня первый клиент. Ты, как всегда, в своих оранжевых шортах с надписью «Легалайз».

– Эти шорты – мой стиль. Если изнашиваются, я у непальцев такие же, новые, заказываю. Люблю я на своем спортбайке от полиции уходить. Ментам только мою жопу с надписью «Легалайз» видно.

– Проходи в ресторан, что встал возле входа? Я вот джойнт только что скрутил. Сам-то давно в Гоа?

– Я, Вась, тоже с месяц, наверное, уже здесь. Давно хотел к тебе захватить, но времени все что-то не было. Пока ещё все драг-дилеры не приехали, я тут нарасхват. Каждый день кому-нибудь кокаин развожу.

– По-моему, хороший знак, что ты первый мой клиент в этом сезоне.

– Кришна! – кричу я своему официанту, зевающему на утреннем солнышке, – Сделай завтрак номер три для первого клиента за счёт заведения.

– Ты слышал, Хануман, сегодня на Кериме пати хорошее собираются провести? Сам Тамир организывает.

– Слышал, кто же об этом не знает. Вот из-за него-то я туда и не пойду.

– А что же тебе Тамир плохого сделал?

– Да пока ещё ничего не сделал, только полиции, по-моему, он меня сдал.

– Да не может такого быть! Я Тамира довольно хорошо знаю. Моя Василинка с его дочерью в один детский сад ходит. Я с ним много раз общался. Не может он сдать. К нему же на пати люди перестанут ходить.

– Да причем тут, Вась, ваши дети? Ты, со своей психоделикой, максимум штуку баксов в месяц поднимаешь. Кому ты интересен? А я на кокосе пятерку легко зарабатываю, сейчас пати почти не проводятся, поэтому конкурент я ему стал.

– Так ведь Тамир не торгует вроде, он же ди-джей.

– Он-то не торгует, а вот продавцы его ещё как торгуют. Торгуют, и конкурентов сдают. Ты, наверное, не в курсе, что он ежемесячно ментам за крышу платит. Он вчера подошел ко мне, и говорит: «Кто-то твою фотку на индийском интернет-сайте разместил, там написано, что ты теперь в Гоа главный русский драг-дилер». Ещё говорит, что полиция к нему приходила, про меня спрашивала. Хотят, чтобы я сам к ним пришёл и деньги платить начал. А если не приду, то поймают меня, и посадят. А я в жизни своей никому за крышу никогда не платил. Я сам всегда себе крыша. Да и если бы только платить. Я же знаю ментовскую породу. Им погоны ещё зарабатывать нужно. Они же потом заставят сдавать кого-нибудь, а я ссученным никогда не был и не собираюсь им быть. Валить мне отсюда нужно, и чем быстрее, тем лучше. Тем более, как я знаю, пати не будет больше в Гоа. Может, разрешат два-три за сезон, и то под присмотром полиции. Да и с кокаином я давно решил завязать. Как болото этот кокос. Начнешь с дорожки. А остановится невозможно. Поеду лучше в Тайланд, там и пати четыре раза в месяц проводят, и за торговлю наркотиками смертную казнь дают. Не будет соблазна этим грязным бизнесом снова заниматься. Я лучше йогу там преподавать буду. Умерло Гоа, и убил его кокаин. Будь осторожен, Вася, сейчас тебя не трогают, но когда прикроют все пати, и конкуренция между драг-дилерами станет жёсткой, сдадут тебя свои же. Или заставят сдавать других.

– Мне кажется, ты сгущаешь краски, Хануман. Может, у тебя от кокаина параноя началась. Не хочешь, не ходи сегодня, а я с удовольствием пойду, попляшу.

Плато на вершине холма напоминает марсианский пейзаж. Красная вулканическая поверхность простирается почти до горизонта, впереди бескрайнее море, переходящее в звёздное небо. Ощущение, что мы где-то на другой планете. С тысячу нарядных, разноцветных людей пляшут под громкую, красивую трансовую музыку. Хорошо, что я Ханумана с утра не послушал. Если бы пропустил сегодняшнее пати, не простил бы себе этого. Когда-то, в Гоа пати проводились на берегу моря. Местное население и фрики тогда жили в гармонии, и никто никому не мешал. Фрики покупали у рыбаков дары моря, а у крестьян – фрукты и овощи. Всем было хорошо. Хиппи и фрики голышом загорали на пустынных пляжах, танцевали на пати, курили, и тратили заработанные продажей чараса деньги на местных жителей. Быстро процветая, местное население сносило свои первобытные хижины, и строило на их месте красивые двух- и трехэтажные

дома. Чудные, волосатые белые люди с удовольствием арендовали эти дома, платя достаточно много денег, благодаря чему уже можно было не добывать рыбу и не выращивать рис. Никто, кроме хиппи, не хотел ехать в не обустроенное, дикое Гоа. Всё прогрессивное человечество предпочитало комфортабельные отели и пляжи, по которым не ходили бы коровы и свиньи. В гоанских же деревнях не было ни машин, ни асфальтовых дорог. Не было ничего. Хиппи помогали местным открывать маленькие рестораны, объясняя, для чего нужны ложки и вилки. Показывали, как готовятся европейские блюда, и обучали минимальным санитарным требованиям. А местное население с удовольствием, ночами, присоединялось к танцам под барабаны, устраиваемыми белыми людьми. И так же, как тысячи лет назад, индусы радостно плясали в полнолуние, благодаря индийских богов за хороший урожай и счастливую жизнь, которую принесли им приезжие чужестранцы. И, так продолжалось бы и дальше, если бы против сатанинских плясок не стала выступать католическая церковь. Католические храмы, со времен португальцев, в Гоа строились везде. Ещё до прихода первых хиппи, местные жители, благодаря долговому влиянию португальцев, стали забывать свои индийские традиции и своих богов. Из католических храмов священники проповедовали правильный образ жизни, правильный индус должен был работать всю свою жизнь не покладая рук, добывая все больше рыбы и мяса, собирая больше риса и бананов, строя новое жилье, и обзаводясь всеми современными благами человечества. Естественно, принося десятую часть в храм, чтобы после смерти попасть в рай. Философия приезжих, волосатых, счастливых людей шла вразрез с философией католиков. Молодое поколение индусов предпочитало довольствоваться тем, что давала природа и белый человек, а в свободное время – не вкалывать во имя нового холодильника или ненужного им утюга, а наслаждаться жизнью. И тогда, католичество поднялось в крестовый поход против дурного влияния счастливых и довольных хиппи. В середине 90-х годов к власти пришла партия, поддерживаемая католиками. И, министр туризма заявил на все Гоа, что хиппи и фрики больше не нужны нам. «Для Гоа нужны деньги, нам нужны богатые туристы, приезжающие на две недели, а не голодранцы, которые не могут купить себе стакан чая», – заявил он по телевидению и через газеты. С тех пор пати начали преследоваться. Сначала пати запрещали на пляжах, мотивируя тем, что громкая музыка мешает спать трудящимся, потом пати стали запрещать в джунглях и удаленных местах. С начала двадцать первого века все пати, проводи-

мые в Гоа, стали нелегальными. Организаторы платили огромные взятки полиции, которые можно было компенсировать только продажей кокаина. И его стали продавать почти все. Сегодняшнее пати было организовано в самой дальней северной точке Гоа. Вдалеке от пляжей, от населённых пунктов, от моря. Не смотря на то, что пати проходило на пустынном каменном плато, ничто не помешало тысяче людей, любящих свободу, собраться с разных концов Гоа, чтобы почувствовать вибрации любви и гармонии. Это последнее место, последний оплот свободы. Дальше бежать некуда.

– Привет, Тамир!

– Здорово, Василий, давно в Гоа вернулся?

– Нет, месяц всего, как из Непала приехал.

Передо мной стоит самый настоящий психоделический шаман. Точнее, вождь всех русско-гоанских трансеров. Гордо обходя всё пати, он здоровается с каждым психоделическим воином, с каждым авторитетным фриком. Это его вотчина. Модно выстриженный ирокез на затылке, в обоих ушах большие серьги, на спине большими светящимися буквами написано «Х.Буду». Раньше я и представить не мог, что когда-нибудь буду жать руку основоположнику русского трансового движения. Восемь лет он уже жил в Гоа, и, ходили слухи, что все эти годы он был в российском розыске, это делало его ещё более легендарным.

– Ну что, Вась, будешь в этом году свой квас делать? Отличный квасок у тебя получается.

– Конечно, буду. Я в прошлом году четыре тонны продал.

– Как твоя дочка поживает?

– Хорошо, к школе начали подготавливать, а пока, вместе с твоей, в детский сад ходить будет. Смотри, Тамир, какого я чёрного золота из Непала привез, – говорю я, вытаскивая из кармана кусок чараса и маленькую лупу с подсветкой.

– Я вообще-то непальский не курю, непальцы не умеют хороший чарас делать. Я манальский, из Индии, предпочитаю.

– А ты, Тамир, посмотри через лупу, ты такого качества в Индии не найдёшь. Европейцы в Непале делали.

Презрительно взяв у меня чарас, Тамир разламывает пополам толу и начинает рассматривать её через увеличительное стекло.

– Да, действительно, первый раз такой чистый чарас вижу, видимо, постарались европейцы. Никогда мне, Вась, не приходило в голову чарас через лупу смотреть, – говорит Тамир, доставая свою толу из кармана. – Давай-ка, мой теперь посмотрим.

Долго рассматривая свой кусочек, он, ухмыльнувшись, убирает его в карман.

– Не, это не дело чарас через увеличительное стекло смотреть, его пробовать нужно. Давай лучше покурим. Он хоть и не такой чистый, как у тебя, зато кроет лучше любого непальского. Только я сначала отыграю, а потом пробовать будем, – говорит он, направляясь к ди-джейскому столу.

Я танцую вместе со всеми, мой танец, как последний бой, в который я вкладываю всю свою любовь к свободе, и ненависть к пришедшей сюда глобализации. Вокруг меня танцуют такие же воины, верящие в победу добра и любви над злом, которое пришло из современного мира. Впереди нас стоит Тамир. Смотря на него, хочется верить, что мы победим. Мы не можем проиграть наш последний бой. Потому что проиграть – это значит сдаться, и принять правила игры социума, который давно продан корпорациям. Ощущение такое, что мы танцуем последний раз. Хочется плакать и смеяться одновременно. Радость единства и предчувствие поражения, несколько часов пролетают, как одно мгновение. Тамира за ди-джейским пультом сменяет израильский ди-джей. Через несколько минут, вдалеке на плато, появляется машина полицейских. Музыка выключается. С бамбуковыми палками в руках, ворвавшись на танцпол, полицейские забирают ди-джейское оборудование, генератор и арестовывают ди-джея. Может быть, договорятся деньгами? Может быть, под утро включают музыку? – слышатся везде одни и те же фразы.

Никто не расходится. Индусские бабушки продолжают готовить чай на своих керосиновых лампах. Садясь на циновку, я заказываю себе душистый чай с молоком и специями.

– Привет, Вася, – слышу я приятный, знакомый голос.

– Привет, Маша!

Рядом на циновке сидит высокая, стройная гоанская красotka, с веселыми хвостиками на голове, словно у белки. Мы мало знакомы, наши дочери ходят в один детский сад, поэтому встретившись, мы чаще всего беседуем о наших детях.

– Как жизнь, Вась? А где твоя Лена?

– Лена с Василиной остались дома. Холодно ночами сейчас, да и в садик завтра вести её надо.

– Грустное какое-то сегодня пати. Почему-то кажется, Вась, что оно последнее. Кстати, познакомься с моим мужем, – говорит, улыбаясь, Маша, показывая на парня, сидящего рядом.

Присмотревшись в полумраке, я от удивления открываю рот.

– А... Э... Ты говорила, что твой муж – музыкант, но чтобы это был один из солистов группы «Ну-Ну», я и предположить этого не мог.

– Алексей, – здороваясь, протягивает мне руку парень, покрытый стильными татуировками.

Рядом с ним сидят ещё трое музыкантов из знаменитой русской поп-группы.

– Вот уж кого не ожидал увидеть здесь, в центре психоделического движения.

– А что мы, не люди что ли? Ты думаешь, мы под свою музыку, что ли, отдыхаем? – засмеявшись, говорит Алексей, видимо, представив пати, где он танцует под свою музыку.

– Поп музыка – это чтобы бабки зарабатывать, она слишком проста, чтобы творческому человеку получать от неё удовольствие.

– А я раньше думал, что у творческих людей творить получается потому, что им это приносит удовольствие.

– Иногда получается творить для удовольствия, а иногда – получаешь удовольствие от того, что тебе платят хорошо.

– Да вы просто киберпанки какие-то. На сцене поёте «Упала шляпа, упала на пол», а в жизни транс музыкой наслаждаетесь, да ещё и в Гоа ездите.

– Нас, на самом деле, в группе двое, кто транс понимает, остальные за компанию приехали. Если присмотреться, как мы на сцене танцуем, сразу становится понятно, кто транс любит, а кто поп-музыку. Жаль, что транс в Гоа запрещают.

– По всему миру, Лёш, тенденция такая идёт, хаус музыку – пожалуйста, везде зелёный свет, не нужны нигде вольно думающие, свободные люди. А фрики, что транс культуру продвигают, они же психоделику едят, сознание себе расширяют, и пример заразительный показывают. С социальной же точки зрения – один вред от них. Главный вред от них, что денег они обществу никаких не приносят. И наркотики фрики едят не самые коммерческие. МДМА и ЛСД много не поешь, мозг не выдержит, спянуть можно. Другое дело, гламурная хаус-музыка. Под неё кокаин употреблять нужно, и алкашку пить. А кокаин всего пятнадцать минут действует, и его потом опять хочется. И остановится невозможно, приходится алкашкой заливать, чтобы приглушить это желание. А чтобы кокаин с алкашкой покупать, денег нужно очень много зарабатывать. Это выгодно для социума – поддерживать те наркотики, которые стимулируют человека зарабатывать все больше и больше. Поэтому и запрещают транс везде. Транс и психоделика делает людей более свободными и менее соци-

альными. Транс – это не коммерческая музыка, и культурный хвост за ней тянется совсем не коммерческий. Точнее, так было раньше, после того как кокаин попал в трансовую культуру, пати и стали за-прещать.

– Вот так бабло и побеждает добро, – смеясь, говорит Лёша, обнимающая свою жену. – Во всех, Вась, древних цивилизациях, где употреблялись природные психоделики, это было всегда уделом избранных. К магическим веществам имели доступ шаманы, вожди, духовные лидеры. В Индии ведь чарас курили раньше бабьы. В Мексике индейские шаманы ели мескалиновые кактусы. А у нас, в дохристианской Руси, северные шаманы отвар из мухоморов пили. А обычному народу нельзя сознание расширять. Кто работать-то будет?

– Да и с ума, Лёш, сойти можно, если неподготовленное сознание попытаться расширить.

– Это точно, – соглашается Лёша, посматривая на часы. – Холодно совсем под утро стало, поедem мы, наверное, по домам. Видимо, не будет больше сегодня музыки.

Попрощавшись с уходящими нунойцами, я сажусь поближе к керосиновой лампе, чтобы погреть руки. Начинает светать. Возле танцпола осталось с сотню самых стойких фриков. Кто-то дремлет, кто-то курит чилумы, кто-то просто не в состоянии подняться, чтобы уехать домой. Первые лучи Солнца, пробивающиеся из-за горизонта, окрашивают мелкие, круглые облака в розовый цвет. Кажется, что в небе тысячи розовых шариков. Неужели, мы проиграли нашу последнюю битву, неужели, пати действительно больше не будет? К танцполу на мотоцикле подъезжает израильский ди-джей, с дредами до пояса. Отвязав от байка маленький генератор, он бегом бежит к ди-джейскому столу. Несколько минут уходит на подключение проводов, и первые лучи Солнца встречает прекрасный трансовый трек. Как по взмаху волшебной палочки, все оставшиеся на пати люди, за несколько секунд соскочив со своих мест, начинают неистово танцевать. Ощущение, что это последний танец в их жизни. Кажется, что люди не танцуют, а парят над землей. Высоко подпрыгивая, стараясь первыми увидеть солнечные лучи, пробивающиеся из-за холмов на горизонте. Я тоже парю над землей, и слёзы радости текут по моим щекам. Мы не проиграли наш последний бой. Никому не удастся отнять нашу свободу.